

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Сад

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Сергей Николаевич Сергеев-Ценский**
Сад / Сергей Николаевич Сергеев-Ценский – М.: Книга по Требованию, 2012. –
40 с.

ISBN 978-5-4241-3310-7

Стиль Сергеева-Ценского отличает яркая образность; его описания природы, изображения характеров и батальные сцены богаты сравнениями и метафорами

ISBN 978-5-4241-3310-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Сергеев-Ценский Сергей
Сад

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Сад

Повесть

I

В последнем классе земледельческого училища Алексей Шевардин проделывал гимнастику с пудовыми гирями, ходил упругой походкой с легким развальцем и, похлопывая себя по объемистой груди, самодовольно говорил: "Широ-окая кость!"

Целыми днями он возился в саду, в поле, в оранжерее, к урокам готовился ночью, спал без одеяла и аккуратно купался до первого льда.

Дед Никита, помогавший летом ученикам пускать плуги, жнейки, молотилки, а в остальное время состоявший в училище истопником, искренне любовался Шевардиным.

- Добытчик!.. Хлебороб! Истинное слово, хлебороб, - говорил проникновенно дед, корявый и темный снизу, светлый сверху, глядя на упрямую, круглую, как точеный шар, гладко стриженную голову Шевардина. - Богатеем будешь, - правду тебе истинную говорю... Настоящий мериканец!.. Знал я одного такого немца, - Идмуд Мартыныч звали, - вот деляга был, и-и-и, куда!..

- Зачем мне Америка, дед? - перебивал его Шевардин, по привычке вздергивая крупным, попорченным оспою носом. - Тут у нас своя Америка, своя земля людей ждет.

- Тесно у нас-то, внучек, вот что...

Глаза у деда были совсем ясные, детские, и, глядя в эти глаза, сквозь которые двумя острыми воронками прошла, не замутивши их, целая жизнь, Шевардин говорил громко и уверенно:

- Тесно бывает только узеньким, дед, а широкому везде широко... Жизнь резиновая, всякому по мерке.

- Быть-быть, - сочувственно кивал головою дед. - Ты грамотный, тебе видней.

Шевардин был бобыль и учился на казенный счет. Далеко, в Новгород-Северске, у него была тетка, прачка, посылавшая ему по рублю к Рождеству и на Пасху. На эти рубли Шевардин покупал себе простого табаку и спичек; других расходов у него не было.

Когда Шевардин одним из лучших окончил училище, начальство выдало ему пятьдесят рублей в пособие до приискания места; но он не искал места.

Вблизи одной небольшой станции на юге, у причта села Татьяновки, снял он фруктовый сад за сорок рублей в лето; местный батюшка выговорил себе три пуда антоновки и сенокос, а он поставил в условие - двадцать рублей уплатить сразу, а двадцать после.

В саду был старый, бурый от непогоды шалаш. Шевардин в первый же день поправил его, покрыл заново соломой, поставил в нем топчан, собственноручно сбитый из досок, а около выкопал в земле печку.

В тот же день на селе у кузнеца он взял напрокат переделанное из берданки ружье, на неуклюжем широком прикладе которого была выжжена кривыми каракулями замысловатая надпись: "Се гут, се бон, се балабанюка, се Лондон, се кузнец Иван Коваль".

А когда он купил в лавочке ковригу хлеба, мешок картофеля и два обливных

горшка, бабы, следя за его легкой походкой с развальцем, уже знали, кто он и зачем приехал.

- У попів в аренту за сорок карбованців сад зняв... По хвамилии, кажутъ, Шковородин, - из кацапів.

II

Сад, снятый Шевардиным, углом примыкал к селу, углом к реке.

Обнесен он был ветхим плетнем, который Шевардин в первый же день начал поправлять и выравнивать.

Груши в саду были старые, дуплистые, зато хороших сортов, и полносочные были яблони, а посередине, вдоль узкой дорожки, стеной стоял темный вишеник.

Между деревьями в густой траве желтел донник, розовел клевер, яркими кровавыми каплями сверкал дикий мак; с неровных щербатых зубьев плетня во все стороны кудрявыми струями сбегал хмель, а в густом воздухе, точно кипела вода, густо гудели пчелы.

И село и сад лежали в низине над рекою. Выше села по меловой горе взбирался крупный сосновый лес, по другому берегу стелилось чернолесье, и через реку видны были старые князья-дубы, купающиеся в воде корнями.

Верстах в пяти вниз по реке лежал монастырь, и в море леса чуть заметно белый, он казался кучей яичной скорлупы, прибитой к берегу водою.

Лес тянулся до самого горизонта. На меловых горах он был зеленее и реже, в лощинах темнее и гуще, точно подымались и падали гигантские валы, и вдалеке, где проступали узкие робкие поля, разбивались желтеющими барашками.

И в сравнении с этим лесным простором сжатая в серый комочек Татьяна казалась беспомощной, маленькой, жалкой и лишней, точно костер из сухой перегнившей соломы, пропитанной миазмами, который кто-то собрал в одно место и приготовился поджечь, чтобы очистить воздух. Но в Татьяновке было двести двадцать семь дворов и четыреста тридцать душ мужского пола.

Когда часам к одиннадцати вечера Шевардин улегся в шалаше на куче свежесорванной травы, над ним пронзительно тонко и хищно запели комары, в саду, не смолкая, стрекотали кузнечики, а из леса через реку доносился раскатистый торжествующий хохот филина. От этого хохота становилось жутко, и лаяли на селе разбуженные им собаки.

В незатворенные двери шалаша черными шепчущими тенями толпились деревья. Ночь была месячная, и освещенное, паутинно-легкое небо радостно уходило куда-то от черных мягких силуэтов, пригвожденных к земле. И хотя у Шевардина мутило в голове от усталости и пьяного запаха травы, уснул он поздно.

III

Утром к нему пришел татьяновский священник о.Мефодий.

В рыжем подряснике и рыжей шляпе, грузный и черный, о.Мефодий принадлежал к разряду людей, говорящих громким, тяжелым, как свинец, басом. Почему-то такие люди склонны много пить водки, много говорить, оглушительно смеяться и хлопать собеседника по колену.

- Доброго здравия, Робинзон Крузе! - крикнул он издали, проступая сквозь чашу вишеника и раздвигая ветки бородавчатой самодельной палкой.

Шевардин подпирал в это время толстым колом завалившийся в сад кусок

плетня, и плетень дрожал под его руками, и недовольно шипел, отрываясь, поднимаемый с земли вместе с плетнем цепкий хмель.

Отец Мефодий уселся на траве, подвернув угол подрясника, закурил папиросу и с лениво-веселой улыбкой следил за ловкими движениями Шевардина.

- Ну, вы - оригинал, я вам скажу, - не удержался он, наконец, и захохотал, точно ударил в турецкий барабан. - Как хотите, сердчайте или не сердчайте, а оригинал!

- В чем оригинальность? - недовольно буркнул Шевардин. - В том, что я сад снял?

- Мало того, что сад снял... Этого, душа моя, мало. Дело в том, что вы хозяин природный, можно сказать - по призванию... Ишь как ворочает!..

Он помолчал немного и оживленно добавил:

- Знаете что? Великолепный факт: мы вас женим.

- Ладно, рано еще, - отозвался Шевардин.

- Чего рано? Девятнадцать лет есть, и роскошно женим. Вот Петровки пройдут и до Успенья, этак нежно, возьмем и женим... Что вы, батенька! Да вас попадье показать, она за вас зубами ухватится. Таковую вам невесту найдем - роскошь!..

- Чей это лес, батюшка? - перебил Шевардин, кивнув головой в сторону реки.

- За речкой? - Батюшка замолчал, глубоко затянулся и выдохнул: Графский.

- Весь графский? - обернулся Шевардин.

- За речкой? Сколько глазом видите - и туда, и сюда, и вот сюда этак нежно взгляните (о.Мефодий широко развел рукою) - все графское... По сю сторону только монастырского лесу порядочный клоч, а то и это тоже графское.

- Сколько же тут десятин?

Шевардин бросил плетень и выжидающе смотрел на попа серыми встревоженными глазами.

Отец Мефодий густо засмеялся.

- Эх вы, Робинзон! Кто же тут на десятины считает? Лесу конца краю нет, на сорок верст тянется, восемнадцать сел в нем стоят, а вы, этак нежно, десятины! Тоже хватил мухой по обуху!

Шевардин, еще когда шел со станции в Татьяновку, знал, что тут есть имение одного графа, но размеры этого имения представлял смутно. Теперь же оно сразу выросло перед ним в огромную гору, раздавившую в прах восемнадцать мелких Татьяновок. Это впечатление чего-то огромного, слепо навалившегося и тяжелого прошло и по его телу, и он инстинктивно передернул плечами, чтобы его сбросить.

А о.Мефодий сидел перед ним широколицый, грузный, улыбающийся и в промежутках между затяжками говорил:

- Прадед графа, француз, при дворе Екатерины брадобреем был, - хорошо брил и дамам шиньоны делал, за что и возвели его в титул, а имение это за женой получил - у Потемкина, говорят, любовницей была, - дело, конечно, темное и, так сказать, покрытое мраком истории... Теперь имение, конечно, в залоге и за крупную сумму заложено - восемьдесят тысяч ежегодно одних процентов платят, - шутка, а? Великолепный факт, а?

Задорно и пряно пахло кашкой, молодыми яблоками; что-то бесформенное,

но свежее, зеленое, смеющееся все время стояло перед глазами, ежесекундно меняясь в очертаниях, и от этого зеленого тянуло спокойной и ласковой силой, но Шевардин чувствовал, как с каждым словом сидящего против него грузного попа в него тупо входит обида.

- Самого-то графа мы редко видим, - продолжал о.Мефодий, - за двенадцать лет я его, кажется, только три раза видел, - без него машинка идет. Осенью, пожалуй, поохотиться придет: только за этим и приезжает охотиться. Шлейф за ним тянется огромнейший: актриски, певички, эти самые еще плясавицы... как они?.. балерины, что ли, ну да... И откуда он их набирает!.. И не молодой ведь, не думайте, - лет сорок с хвостиком есть, а не унялся... Дела! Много этот поп денег глотает, - пожалуй, имения бы не хватило, только что майорат имение-то, продавать нельзя...

- Хорошо, а управляет им кто? - перебил Шевардин.

- Управляет? - Отец Мефодий весело взглянул на Шевардина, затанулся и не спеша ответил: - Тут целая комедия в одном действии! Управляет кочегар из немцев-колонистов, по фамилии Аурас, а попросту, по-русски, мы его зовем Саврас, саврас он и есть настоящий. В министры попал почему? Понравился графу, что метко стреляет, бьет без промаху, - ну и убил бобра. Бесконтрольно, можно сказать, всем царством владеет, - за шесть лет трехэтажные дома в Одессе нажил, шутка, а?... Рукой его не достанешь. Что хочет, то и делает. Мужики у него - пикнуть не смей. Ездит на тройках с форейторами, за версту слышно... Черкесов объездчиков завел - целый Кавказ. Чуть что, - этак нежно, - кинжал в спинку - и готово.

- Позвольте, батюшка, а полиция?

- Полиция? - Отец Мефодий хмыкнул. - Полиция вся на графских лошадах ездит. Да и дела тут полиции чуть. Конечно, застали в лесу с поличным, нападение, самозащита, - знаете, как это делается? Одним словом, лексикон известный... Нет, вы скажите, как Аурас царствует? Все законы, и божеские и человеческие, попирает - цел и невредим... Вы думаете, на него мужики облавы не делали? Был такой грех, вышли из терпения, - ничего, ускользнул живехонек, а сам еще из этого бунт сделал. Мужиков же и секли... С черкесами тоже сражение было. Вот будете идти к Неижмакову, - это на том берегу село, - по дороге на просеке там кресты будут, деревянные кресты и камни. Там, знаете, Мамаево сражение было. Над православными, конечно, кресты, а камни над черкесами... Из-за баб дело вышло, черкесы баб обидели, ну, народ и осерчал... Восемь крестов там стоит, а камней или пять, или шесть, не помню; лет пять назад дело было.

Упорно глядя на рыжую шляпу грузного попа и на его медленно движущиеся губы, Шевардин чувствовал, что входящая в него обида тоже грузная, медленная и рыжая, как желчь. Она густо переливалась по его мышцам и напрягала их, как камни.

- Будете идти так, по этой стороне, - махнул вправо о.Мефодий, - там каменоломня будет: около нее графская псарня, в одной псарне двести штук одних борзых содержится; молочной овсянкой кормят, и коровы для них особые есть. Считайте, самое бедное, по пятаку в день на собаку, - десять рублей в день, триста в месяц, итого три тысячи шестьсот рублей одного собачьего содержания - четырех причтов доход, - шутка, а? (Отец Мефодий ударил Шевардина по колену.) Как придет сюда граф со шлейфом, по целому быку в день съедают... Вот дворец-то

графский, видите, на горе белеется? Можно сказать, замок, гнездо орлиное!

Всмотревшись, Шевардин увидел в лесу белый, с башнями по бокам, двух-этажный дом. К нему вела извилистая, серая среди темных сосен дорога.

- Послушайте, батюшка, что он из себя представляет, этот граф? медленно спросил Шевардин.

- Как "что представляет"? Графа, - лукаво улыбнулся поп.

- То есть служит где-нибудь или так?

- Насчет службы не знаю, навряд ли, чтоб служил, за границей он больше витает... А может, какую-нибудь должность и имеет для видимости, не знаю, об этом не слыхал. Чего не знаю, того не скажу... А вот, если хотите, для иллюстрации, как говорится, был у нас недавно такой случай, прямо комедия в одном действии...

И длинно, с большими отклонениями, смехом и хлопаньем по колену Шевардина, о.Мефодий начал рассказывать, как графская экономия обманула крестьян из Неижмакова: обменяла песчаную косу на заливной луг с озером, обещая вместо придачи вечный попас в лесу и вечный хворост для топки; обещание было дано на словах, а об обмене земли составили акт и запили его водкой.

На другой же год застроили лужок дачами, а в попасе и хворосте отказали.

Уже три года судятся неижмаковцы, судятся упорно, с причитаниями и ссылками на Страшный суд и совесть, а экономия над ними смеется.

По мере того как говорил о.Мефодий, все больше темнело лицо Шевардина, и, безволосое, широкоскулое, оно было напряжено в каждой видимой точке, а о.Мефодий весело пыхал папироской, надувая щеки.

Ночью Шевардин видел странный сон. Будто сидел он над обрывом на реке возле сада. Сияла луна, и лес на берегу был черный и далекий, а вода серебрилась гладкими широкими полосами, изъеденными отражениями. И было страшно тихо и на земле и в воде, когда раздались вдруг короткие, частые всплески, точно кто-то бил вальком по воде, и вслед за этим посредине реки, высоко приподняв изжелта-зеленую воду, показалась тупая огромная рыба голова, в полреки шириною, посмотрела в обе стороны на лес белесыми бычьими глазами и тяжело ухнула снова в воду.

И в берега от заходившей буграми воды ударились ревушие мутные волны, а по воде закружились подмытые ими с берега старые чаны, гнилые, зеленые от моха, - один, два, три... восемнадцать. Потом потонули чаны, на реке стало тихо, и Шевардин проснулся.

В голове его что-то больно стучало, звенели комары... Воздух был сырой от ночного тумана; из-за реки презрительно и злобно хохотал филин, и выли на селе собаки.

IV

Нужно было обобрать гусениц с деревьев: серыми шарами паутины окутали они китайку, анис, скороспелку; нужно было отпилить сухие сучья, мешавшие хозяйскому глазу Шевардина, нужно было подвязать слабые и низкие ветви, чтобы охранить их от полома во время июльских ветров.

Все это хотелось сделать скорее, и Шевардин решил нанять на селе поденщика.

Когда он рано утром пошел по улице, навстречу ему гнали волов в поле, и из-под них взвивалась тонкая желтая пыль.

С реки дул свежий ветер, и от этого ветра волю точно пробуждались на ходу. Все серые и рослые, как один, они останавливались, встряхивали длиннорогими головами и внимательно смотрели на шагавшего между ними Шевардина.

Где-то вдаль подымался высокий журавль колодца; от реки по улице с двумя ведрами на коромысле шла некрасивая, долгоносая молодуха в мокрых чоботах, запачканных речным илом.

В стороне бросилось в глаза большое дворовое место, засеянное рожью. Рожь стояла, чуть-чуть сгибаясь, тонкая и желтая, а колосья ее странно двигались и были коричнево-черны от обсевшего их сплошь жука кузьки. Вид был такой, как будто этих жуков именно и желали видеть, и являлся игривый вопрос: не сеяли ли жуков вместо ржи?

Старик с бабой, ухватившись за длинную веревку, шли вдоль поля и хлопали по колосьям, и там, где они шли, выпрямлялись, жалобно качаясь, помятые изжеванные былинки, а позади их с земли снова подымались жуки и, недовольно жужжа, занимали прежние места.

Шевардин вспомнил, что дня три назад о. Мефодий за двадцать пять рублей служил молебен для избавления от гнуса.

Целый день ходили по полям, пели и кропили их святой водою.

Вечером пили водку, плясали и дрались. Жук остался.

У одной низенькой калитки стоял парень, босой, без картуза, с черными волосами в скобку.

- А что, хлопец, - подошел к нему Шевардин, - не пойдешь ко мне в сад на поденку?

Парень смотрел добродушными узкими глазами и чесал спину.

- А шо там робить? - спросил он после долгого молчания и отбросил кивком волосы со лба.

- Да что будет нужно, то и будешь работать... Работа легкая, - ответил Шевардин, сверху вниз глядя на парня.

- А шо вы даете? - недоверчиво спросил парень.

- Тридцать копеек дам.

- И то гроши, - презрительно качнул головою парень и снова потянулся чесать спину, лениво глядя вдоль улицы.

- Сколько ж ты хочешь?

- Сорок копеек даете? - хитро прищурился парень.

- Да, дам, пожалуй, и сорок, - чуть улыбнулся Шевардин, - только выходи сейчас, с пилой, если есть, и лестницу захвати.

Парень оглядел ботинки Шевардина, черные брюки, куртку с ясными пуговицами и зеленым кантом и отрицательно качнул головой.

- Ну? - спросил Шевардин.

- Ні, не хочу, - хмыкнул парень и, медленно повернувшись, пополз во двор.

Волю точно плыли по глубокой желтой пыли улицы, небольшими кучками - по два, по три.

Они смотрели большими ясными глазами из-под белых ресниц, и было видно, что понимали что-то простое и близкое.

Глубоко вросши в землю и полузакрывшись обвисшими серыми крышами, в два ряда стояли избы, точно большие черепахи, раздавленные сказочным конским копытом.

Трубы на избах были широкие, четырехгранные, из плетня, обмазанного глиной, и Шевардин подумал, что вот именно в такие трубы могли влетать и вылетать оборотни, ведьмы, огненные змеи.

И река, дымившаяся внизу, и седой бесконечный лес по сторонам, и цепные лохматые псы, хрипло лающие из-за скрипучих ворот, - все показалось очень знакомым из старых страшных сказок. Точно давным-давно, в незапамятное время, застыла тут жизнь и превратилась в камень, и нельзя было оглядеть широкой сети этих камней, замелькавших перед глазами.

С одного двора рябая девка в красном платочке выгоняла пару волов вдогонку стаду.

Шевардин подошел к ней.

- Слышишь, девка! В сад ко мне на поденку пойдешь?

- У сад? У попивский? - спросила девка.

- Ну да, в поповский.

- Чего ж не пейты, - можно пейты. А ще кого берете?

- Да больше мне не нужно, одной довольно.

- Эге... так мини нельзя, - заулыбалась девка, отходя в сторону.

- Почему нельзя? - не понял Шевардин.

- Та так... Може, вы и ничего, так люди осудят, проходу не дадут.

По рябому круглому лицу девки ползала не то виноватая, не то стыдливая улыбка, желваками выступая то около губ, то в углах глаз, а серые волосы мотали перед ней длинными грязными хвостами.

В конце села указали Шевардину пришлого садовника Игната, жившего здесь на квартире у бобылки старухи.

Старуха была согнута, как конская челюсть, с черными руками, с детскими глазами на рубцеватом выжитом лице, с седенькими косичками, выбившимися сзади из-под повойника.

Было что-то с младенчества страшно знакомое в том, как она двигала руками, когда ходила, как шмурыгали по глиняному полу босые, костлявые, опаленные солнцем ноги, в том, что и как она говорила, в том, как ретиво она возилась у печки.

И веяло от нее все той же старой, забытой сказкой: избушкой в лесу, ступой, костяной ногой, заколдованным зельем.

Садовник еще спал в горнице, и старуха пошла его будить, а Шевардин стоял в низкой избе, вдыхал густой, зловонный воздух и читал на стене около образов длинный лист: "Сказание о том, коим святым каковы благодати во исцеление и помощи от бога даны и кому надлежит молиться:

О исцелении зубные болезни - священикомученику Антонию.

О исцелении от трясовицы - преподобному Мирону.

О избавлении от винного запоя - мученику Вонифатию.

О обретении украденных вещей и бежавших слуг - св. великомученику Феодору Тирону..."

Славянские буквы, строгие, сухие, как схимницы, степенно шли одна за другой и сливались в непогрешимые слова:

"О избавлении от блудные страсти - преподобному Мартиниану.

О исцелении от грыжной болезни - великомученику Артемию.

Аще возненавидит муж жену свою - святым мученикам Гурию, Самону и

Авиву..."

Очень много для такой убогой и тесной избы было разных икон в углу, икон все старых, темных и мрачных, и какие-то маленькие, белые и синие пузырьки укромно выглядывали из-за них, покрытые пылью.

И все кругом было древнее-древнее, чуть не вечное, начиная с трухлявых бревенчатых стен и по всем направлениям треснувшей и дымящей печи и кончая лавками, тряпками, кочергами. Точно все тут было святыней, точно всю жизнь тут заботились только о том, чтобы оставленное далекими предками сберечь отдаленным потомкам.

А за узеньким окошком на пыльном дворе бродили куры, бродили так же, как тогда, когда на их ножках повертывались задом и передом таинственные избушки.

Старуха вошла сердитая, с безнадежными жестами крючковатых рук, и много ядовитого добродушия было в ее скрипучем голосе, когда, приседая перед печкой, она пропела:

- Нема чоґо й ждаты!.. Вин у нас такой невдачный, такой невдачный... Вин позавчера був пьян, учора був пьян, а сегодня з похмилля... Живе грошей не платить... А бодай тобі добра не було, да бодай в тебе рыло одпало, що ты такой ледачий!..

Когда Шевардин выходил, то в низкой двери звонко стукнулся головой о косяк.

Уже не желая искать поденщика, он шел по улице обратно в сад, и шаги его были широкие и злые.

Навстречу ему ползли низенькие хатки с низенькими оконцами, низенькие крылечки и плетни; пахло неосевшей тонкой пылью и навозом; мерещилось то сказочное царство, которое усыпил какой-то юморист-волшебник неизвестно когда, неизвестно зачем.

V

Из угла своего сада, примыкавшего к реке, Шевардин любил наблюдать широкую воду и отражение в ней облаков и леса.

Опрокинутый в воде лес казался мягче, таинственнее, нежнее; облака быстро-быстро уходили куда-то в глубину, точно толпа испуганных видений, закутанных в широкие белые покрывала.

Так как они исчезали в лесу, то казалось, что лес тихо и уверенно глотал их одно за другим, а когда по воде шла легкая зыбь, казалось, что он самодовольно смеялся.

Улицы села днем были пыльны, жарки и пусты, и пульс татьяновской жизни бился на реке, возле низкого грязного берега и отмели, покрытой зеленой тиной.

Часов в одиннадцать утра к воде на тырло пригоняли скот, и, смотря на ленивые движения волов, Шевардин думал, что вся жизнь тут осуждена идти неминуемо воловьим шагом и что иною эту жизнь нельзя представить.

Волы стояли по колена в воде; в стороне от них под двумя старыми ветлами, сбившись в кучу и спрятав головы, неподвижно и беспомощно гуртились овцы.

Толпа белобрысых мальчуганов купалась на отмели впереди волов; подходили к реке бабы с ведрами и брали воду, шумно отгоняя животных; тут же на